

РУССКО-БАШКИРСКИЕ ШКОЛЫ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

© 2023

Любичанковский С.В.

Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Российская Федерация)

Аннотация. В статье на основании комплекса неопубликованных источников из фондов Объединенного государственного архива Оренбургской области и опубликованных источников земского делопроизводства, а также ряда научных и публицистических работ пореформенного периода проанализирована поуездная численность, состав и основные проблемы в работе русско-башкирских школ на территории Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX в. Показана связь развития данного сегмента системы образования с теоретическим изучением башкирского языка российскими лингвистами. Сделан вывод о том, что с течением времени все более приоритетной для работы системы русско-башкирских школ в Оренбургской губернии являлась задача полноценного освоения ее выпускниками русского языка, что потребовало, как это ни парадоксально, уделять больше внимания и изучению родного (башкирского) языка. Доказано, что Съезд директоров и инспекторов народных училищ Оренбургского учебного округа, проходивший в Уфе в 1912 году, инициировал реформирование системы «русско-башкирского инородческого образования» в направлении интеграции обучения на русском и башкирском языках в рамках единого учебного плана. Показано, что с момента образования в 1913 году оренбургского земства вопросы «инородческого» образования находились в центре его внимания. В исследовании также показано противодействие процессам «татаризации» в русско-башкирских школах на уровне регионального руководства системой «инородческого» образования.

Ключевые слова: Оренбургская губерния; русско-башкирские школы; «инородцы»; позднейшая имперская Россия.

RUSSIAN-BASHKIR SCHOOLS IN THE ORENBURG PROVINCE IN THE POST-REFORM PERIOD

© 2023

Lyubichankovskiy S.V.

Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russian Federation)

Abstract. The paper analyzes the number, composition and major problems in the work of Russian-Bashkir schools in the Orenburg province in the second half of the 19th – early 20th centuries. The analysis has been carried out on the basis of unpublished sources from the funds of the Joint State Archive of the Orenburg Region and published sources of zemsky records, as well as a number of scientific and journalistic works of the post-reform period. The connection between the development of this segment of the educational system and the theoretical study of the Bashkir language by Russian linguists is shown. The author has come to the conclusion that with time the priority in the system of Russian-Bashkir schools in the Orenburg province was the full development of their graduates in the Russian language, which required, paradoxically enough, more attention to the study of their native (Bashkir) language. The paper proves that the Congress of directors and inspectors of national schools of the Orenburg school district, which took place in Ufa in 1912, initiated a reform of the «Russian-Bashkir non-Russian educational» system aimed at the integration of teaching in Russian and Bashkir languages within the single curriculum. It is shown that since the establishment of the Orenburg zemstvo in 1913 the issues of «non-Russian» education were in the focus of its attention. The study also shows the resistance to the processes of «Tatarization» in Russian-Bashkir schools at the level of regional administration of the system of «non-Russian» education.

Keywords: Orenburg Province; Russian-Bashkir schools; «foreigners»; late imperial Russia.

Одной из важнейших составляющих имперской политики аккультурации являлась созданная специально для «инородцев» система образования, предполагавшая организацию сближения инокультурных подданных с русскими в процессе обучения. Целью настоящей статьи является реконструкция численности и состояния русско-башкирских школ, составлявших существенную часть системы «инородческого» образования, в Оренбургской губернии пореформенного периода.

В историографическом плане данная тема имеет своих исследователей. В дореволюционный период писавшие о русско-башкирских школах априори воспринимали их как прогрессивное начинание, которое при этом влекло за собой много практических вопросов, связанных с методикой обучения, преподавани-

ем русского языка башкирам, степенью использования природного языка, дискуссиям по вопросу о том, какой метод лучше – «наглядный», «переводческий» и т.д. Авторами являлись специалисты, непосредственно связанные с практикой обозначенных школ – это инспекторы, педагоги-практики, педагоги-миссионеры: А.Е. Алекторов, А.В. Вильев, С.М. Матвеев, М.А. Миропиев [1–5].

Советский историографический период отмечен тем, что общей линией, которой нужно было придерживаться авторам, обратившимся к истории дореволюционной образовательной политики, стало обвинение российского правительства в великодержавной направленности указанной политики, которой сопротивлялись «инородцы». Все начинания империи в области просвещения мусульман, включая баш-

кир, попадали под ярлык «колониально-репрессивные». Особенно характерно это было для работ, вышедших в 1930–1950-е гг.: В.М. Горохова, Л.И. Климовича, А.К. Рашитова, А.А. Еникеева, А.Ф. Эфирова [6–10]. В 1970–1980-е гг. концептуальных изменений в оценках не произошло, однако упор стал делаться на позитивный эффект от развития очагов национального образования вопреки стремлениям царизма [11–14].

В постсоветской историографии феномен русско-башкирских школ на территории Уфимской губернии был рассмотрен в работах Т.М. Аминова, Л.Ш. Сулеймановой, Х.Х. Лукмановой, К.К. Тагирова, Л.Я. Аминовой, Ю.В. Ергина, Е.К. Миннибаева, М.Б. Ямалова, Р.З. Алмаева, Р.И. Якупова, Г.Б. Азаматовой, О.А. Поляниной [15–24]. Авторы хорошо показали инициативы органов местного самоуправления (земств и городов) в области народного образования. Государственная политика в деле просвещения нерусских народов Урало-Поволжья исследованы И.А. Анохиной, Е.Л. Бурдиной, Д.Е. Левашовым, М.Н. Фархшатовым [25–28]. Развитие образования в Оренбургском крае, деятельность земских органов в просвещении нерусских народов были изучены В.С. Болодуриным и А.Д. Сафаровой [29]. Однако специального внимания к истории именно русско-башкирских школ Оренбургской губернии в историографии не наблюдается. В настоящем исследовании содержится попытка внести вклад в ликвидацию этой лакуны. Конкретно мы остановимся на вопросе реформирования башкирской письменности, количественном и качественном состоянии русско-башкирских школ в Оренбургской губернии 2-й половины XIX – начала XX вв.

Наш анализ показал, что система выстраивания образования для башкир в Оренбургской губернии во второй половине XIX века выстраивалась на основе имеющегося местного исторического опыта. Мы говорим об уже имеющейся тенденции проникновения российского светского образования в мусульманскую среду (Неплюевский кадетский корпус) в названном регионе. Второй платформой являлась система обучения «иностранцев», разработанная Н.И. Ильминским. Не вдаваясь в подробный анализ последней, назовём её главное достоинство: обучение «иностранцев» на основе родного языка с применением при этом для письма и печати русского алфавита [30].

Важно, что Н.И. Ильминский в рамках реализации своей концепции уделял специальное внимание башкирам, став родоначальником башкирского алфавита. В 1859 году Николай Иванович поступил на службу в Оренбургскую пограничную комиссию, где находит единомышленников, которым были близки его идеи о замене арабского алфавита на кириллическую грамоту, уважение к языкам «иностранцев», понимание необходимости посредством образования и воспитания включить последних в общеимперское пространство. Находясь в Оренбурге, Ильминский проявил большой интерес к башкирскому языку. Он записал сказку «Три сына» (Геул). В 1861 году в «Учёных записках Императорского Казанского университета» была помещена работа Н.И. Ильминского «Вступительное чтение в курс турецко-татарского

языка» [30]. В эту работу вошла записанная им башкирская сказка. Данной публикацией Ильминский заставил обратить внимание на «свойства и законы башкирского наречия». До Ильминского только М. Бикчурин и М. Иванов вскользь упоминали о том, что такой язык есть и его необходимо исследовать. Сделать это, настаивал Н.И. Ильминский, можно только непосредственно на Южном Урале, записывая «инородные рассказы, которыми богата Башкирия». Сам же Н.И. Ильминский открыл для языковедов то, что башкирский язык имеет много диалектов, в нём много специфически звучащих звуков, обозначил их графически, углубился в лексику, в исконно башкирские слова, в то общетюркское, что есть в башкирском языке [31]. Так была подготовлена основа для составления башкирского алфавита на основе русской графики, появления русскографичной башкирской письменности.

Свой первый букварь башкиры получили благодаря трудам русского просветителя, инспектора башкирских, татарских, казахских (киргизских) школ В.В. Катаринского. В 1892 году в типографии г. Оренбурга вышел «Букварь для башкир». В нём было 58 страниц. Материал был разделён на два раздела – башкирский и русский. Башкирский раздел открывал букварь. Буквы в букваре шли в том порядке, который содействовал быстрому усвоению детьми как порядка букв, так и убыстрял составление самых лёгких для прочтения слогов и коротких слов: ал, мал, талама. Во втором, русском разделе, содержался материал, позволяющий башкирам начать изучение русского языка. Помимо букварного содержания в учебной книге содержались тексты для чтения. Они носили назидательный характер. Так воплощались в жизнь воспитательные задачи. При этом тексты такого рода были и в башкирском, и в русском разделах. В.В. Катаринский был убеждён, что башкирских детей нужно не только обучать чтению и письму, но и воспитывать «в духе нравственности». Человек, вовлекаемый в общеимперское социокультурное пространство, должен был разделять общечеловеческие нравственные нормы. При этом национальное, отвечающее этим общечеловеческим нормам, также не ущемлялось. Это хорошо просматривается в «Букваре». Так, например, в башкирском отделе Словаря содержался рассказ – притча о том, как мудрый отец смог перевоспитать непослушных сыновей, о том, как важно уважать старших. В «Букваре» на башкирском языке даны были наставления, касавшиеся почитания родителей [32, с. 374].

В «Правила доброй жизни» на русском языке В.В. Катаринский поместил нравоучения, назидания, наказания, направленные на то, чтобы у детей закрепилось в сознании то, что человек по задумке Бога должен нести добро, быть милосердным, справедливым. Ребёнку давались сведения о том, какие персоны входят в императорскую семью, приводился отрывок из государственного гимна. В наказах преподносились правила поведения, предупреждения о том, что есть зло и какие действия не идут не во благо человека.

В 1906–1907 гг. вышел в свет «Букварь для башкир» А.Г. Бессонова, одним из ярких представителей школы В.В. Катаринского. Исследователь вдумчиво

подходил к своей задаче, задумывая букварь, основываясь на собственных научных исследованиях. Результатом его наблюдений стала статья «О говорах казанского татарского наречия и о отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам» [33, с. 82]. В ней учёный предложил для башкирского разговорного языка 35 букв, дал сведения о башкирских звуках и буквах. Уже традиционно букварь содержал тексты для чтения на двух языках – русском и башкирском. Отдельно были выделены упражнения. Большое внимание было уделено наглядности. Тексты для чтения были подобраны в духе нравственных назиданий. Сам А.Г. Бессонов хорошо знал башкирские погодворки и умело включал их в свой «Букварь».

Последовавший вслед за «Букварём» книги для чтения на башкирском языке были настолько тщательно написаны и научно обоснованы, что легли в основу научной башкирской диалектологии. Они были приближены к наречию башкир, проживавших на юго-востоке Верхнеуральского уезда и на севере Орского уезда, а также к наречию башкир Челябинского уезда и ряда уездов Пермской губернии. Учебники А.Г. Бессонова были до 1917 года настольными книгами в русско-башкирских училищах.

Профессор Казанского университета Н.Ф. Катанов занимался диалектологией башкирского языка, совершив ряд экспедиций в уезды Уфимской губернии, создав научные труды, также посчитал необходимым составить «Азбуку для башкирского языка». В ней большое внимание было уделено особенностям произношения гортанных звуков, даны сочетания звуков, орфоэпические нормы языка башкир [34, с. 56].

Таким образом, именно в пореформенный период в Российской империи были разработаны не только техническая сторона башкирского алфавита, но и функциональная. На основе именно этой модели развивалась практика преподавания в «инородческих школах» Оренбургской губернии, ориентированных на башкир.

К 1865 году, когда Оренбургская губерния была отделена от Уфимской, большинство проживающих в ней башкир не знали русского языка, русской грамоты. В сельской местности потребности в русском языке в местах компактного проживания башкир практически не наблюдалось [35, л. 9]. Прямых связей у сельских жителей с представителями имперской власти не было, проблемы решались через выборных представителей. Дети башкир традиционно учились в мектебах, учил их мулла на привычном для них языке. Зачастую муллы-традиционалисты обвиняли в греховности тех, кто решался на изучение русского языка [36, л. 3–4], и этот религиозный запрет имел огромную силу в мусульманской среде.

Тем не менее, принятые 26 марта 1870 года «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» предусматривали те мероприятия, которые делали задуманную цель по обучению русскому языку и вовлечение в русскоязычное пространство мусульман достижимой. В полной мере это коснулось и башкир, тем более что вопрос о кириллической письменности для башкир и создании соответствующих пособий для изучения основ башкирского языка в школах был решен названными выше выдающимися российскими специалистами-лингвистами.

Одним из главных мероприятий было открытие за счёт государства начальных городских и сельских русско-башкирских училищ, в образовательной программе которых главенствовали русский язык и арифметика. Контроль над русско-башкирскими школами был возложен на инспекторов татарских, башкирских и казахских школ [37, л. 98]. Постановка обучения с использованием родного языка «инородцев» в качестве пояснительного учителем, который был обязан знать родной язык своих учеников, должна была способствовать популяризации этих школ среди башкирского этноса [37, л. 99].

Процесс создания данных школ был основан на вышеназванных Правилах, но в Оренбургской губернии ряд русско-башкирских школ были образованы еще до появления этого документа. Так, ещё до введения в жизнь «Правил ...» 1870 года была открыта Имангуловская русско-башкирская школа (1867 г.). В отчёте за 1868 год уже значится интернат при этом училище [38, л. 17]. В этом же отчёте имелись сведения об учителе из этой школы – выпускнике Казанской 1-й гимназии С. Мухаммедиеве. Учащиеся в количестве 20 человек жили в пансионе, 10 человек числились как «приходящие» [38, л. 42].

После выхода в свет Правил процесс создания русско-башкирских школ в Оренбургской губернии активизировался. Далее мы покажем распределение этих школ по уездам губернии, дав одновременно оценку численности учащихся и уровень образования учительского корпуса.

В оренбургском уезде уже с 1874 году начало свою деятельность Тляумбетовское русско-башкирское училище. Оно содержалось на средства «общества» (500 рублей с дохода от пожертвованной башкирами земли 2000 десятин в пользу училища) и обучало 24 человека. Преподавание вёл учитель Кулсарин – выпускник Оренбургской татарской учительской школы. С 1881 года работало Сенткуловское русско-башкирское училище. При нём имелся интернат, рассчитанный на 20 человек. Финансировалось училище за счёт Министерства народного просвещения. Преподавал в училище представитель русской национальности учитель Парменионов. В документе особо подчёркивается – «отлично знает башкирский язык». В данном училище на конец 80-х гг. XIX века обучалось 21 башкирин и 8 русских. В Оренбургском уезде было и такое совсем уже малочисленное русско-башкирское министерское училище, как Назаровское. В нём обучалось 7 человек. У учителя Сыртланова за плечами было 7 классов Оренбургской классической гимназии [39].

В Орском уезде Оренбургской губернии в исследуемый период появляются Аскаровское русско-башкирское министерское училище. Преподавал в нём выпускник Оренбургского уездного училища учитель Иликаев. Училище посещали всего 9 человек, из них 4 русских ученика. Сабыровское училище в том же Орском уезде посещало 10 человек, все были русскими. Учитель Протопопов являлся выпускником Уфимской духовной семинарии. В Иткуловском училище, подведомственном министерству народного просвещения, обучалось 13 человек. Учитель Юлуев был выпускником Уфимского уездного училища. Те-

мясовское училище было ориентировано только на обучение мальчиков, было подведомственно министерству народного просвещения. Преподавал в нем учитель Сейфуллин, получивший педагогическое образование в Оренбургской татарской учительской школе. В том же населённом пункте действовало Темясовское женское министерское училище. Училище в нём в 80-е годы XIX века «две башкирки – дочери местного врача из башкир» и две русские девочки. Преподавала им выпускница Уфимской женской гимназии учительница Сейфуллина. В Зиянчуринском русско-башкирском училище также министерском было пять учащихся. Преподавал там выпускник Оренбургской татарской школы учитель Музафаров. К министерству народного просвещения относилось Яльчибаевское русско-башкирское училище с шестью учениками. Учитель Баишев был также выпускником татарской учительской школы [40].

В Верхнеуральском уезде Оренбургской губернии на 1887 год было четыре министерских русско-башкирских училища: Абзелиловское, Казаккуловское, Учалинское и Серменовское. В Абзелиловском насчитывалось 15 учеников – 10 башкир и 5 русских, преподавал выходец из среды крещёных татар выпускник Казанской учительской семинарии. В Казаккуловском училище было 12 учеников. Преподававший в нём учитель Ибрагимов в своё время закончил Оренбургскую татарскую учительскую школу. В Учалинском училище обучение проходило 3 башкирских и 4 русских ученика. Учитель – из русских – Гусев, выпускник уездного училища. Серменовское училище обучало 10 человек. Учитель Танаев происходил из крещёных нагайбаков [41].

В Троицком уезде Оренбургской губернии было только одно Тунгатаровское русско-башкирское училище. Училище имело принадлежность к министерству народного просвещения. Учительствовал крещёный татарин Максим Иванов, выпускник Казанской учительской семинарии. На 1887 год в училище было 22 ученика, из них 6 русских [42].

В Челябинском уезде было открыто Метелевское русско-башкирское училище. При нём действовал интернат. Вёл занятия с 20 учащимися учитель Насыров – выпускник Оренбургской татарской школы. В начале XX века к перечисленным добавились следующие русско-башкирские училища: Псянчское (1902 г.), Биккузинское (1906 г.), Юмагузинское (1905 г.), Мраковское (1900 г.) [43, оп. 1, д. 453].

К 1915 году в Оренбургской губернии действовали около 60 министерских школ, относящиеся к разряду «русско-инородческие» [44, с. 62–63]. Среди них – 32 русско-башкирские школы. по уездам они были распределены следующим образом: Верхнеуральский уезд – 6 школ, Оренбургский – 6, Орский – 8 школ, Троицкий – 2 школы, Челябинский – 10 школ [45].

С момента образования в 1913 году оренбургского земства вопросы «инородческого» образования находились в центре его внимания. Земское губернское собрание было чрезвычайно обеспокоено тем, что наполняемость училищ была низкой вследствие их не достаточной популярности среди мусульман края: так, к 1914 году в Юмагузинском училище было два ученика, в Мраковской русско-башкирской

школе – 16 учеников, Тляумбетовская школа была относительно популярна – в 1914 году в ней обучалось 30 учеников. Столько же учеников было в Сеиткуловском двухклассном училище. Инородческий отдел народного образования губернской земской управы отмечал в докладе губернскому земскому собранию в декабре 1916 г.: «Существующие русско-башкирские и русско-татарские училища в Оренбургской губернии отличаются малочисленностью учащихся. Их бывает достаточно много лишь в первом отделении, частью – во втором, а в выпускном – учащихся не более 3–5, и перед выпуском учащиеся разбегаются, как бы не желая получить свидетельство. Причиной нелюбви к этому типу школ является, очевидно, преподавание не на родном языке...» [46, с. 54]. Отметим, что не все русско-башкирские школы несли на себе бремя непопулярности. Многие зависели от личности учителя. Так, по сведению инспектора народных училищ Троицкого уезда Оренбургской губернии О.А. Цымбалова, в уезде работали две русско-башкирские школы, и если одна малочисленная, то другая работала «вполне удовлетворительно». В последней хороший, опытный учитель был настолько «по сердцу» населению, что, пожелав уйти из школы, встретил ответное предложение. Общество прибавило ему содержание, доведя его до 100 рублей в год. Учитель остался в школе и продолжил преподавательскую деятельность [47, с. 241]. Эти сведения были оглашены инспектором на Съезде директоров и инспекторов народных училищ Оренбургского учебного округа, проходившего в июне 1912 года в Уфе. Но в своём подавляющем большинстве отклики с мест рисовали неблагоприятную картину состояния системы «русско-башкирского инородческого образования». Для изменения ситуации Съезд постановил внедрить в практику школ и руководствоваться следующими нормами:

- 1) русско-башкирская школа должна оставаться смешанной, в которой обучаются «и русские, и туземцы»;
- 2) ввести в указанных школах четырёхлетний курс обучения, позволяющий «инородцам» усвоить русский язык в подобающем объёме; в удалённых школах обустроить интернаты;
- 3) запретить учащимся активно пользоваться родным башкирским языком в школе;
- 4) свободное владение русским разговорным языком в конце курса обучения должно рассматриваться как главное свидетельство успешности русско-башкирской школы;
- 5) учитель может преподавать в данных школах только при условии знания башкирского языка, чтобы пользоваться им «в нужных случаях»; взять курс на «вымывание из учительской среды» тех сотрудников, которые «забыли русский язык и разучились более или менее правильно говорить на нём...»;
- 6) выпускников Казанской учительской школы назначать только в русско-татарские школы на должность учителей, поскольку в русско-башкирских школах их присутствие несет в себе «опасность татаризации»;
- 7) инициировать открытие педагогических курсов для подготовки учителей из башкирской среды для русско-башкирских школ [47, с. 260–261].

Интересно, что оренбургским земством были внесены изменения в учебный план, в соответствии с которыми русскому языку отводилось 50% времени, однако родной язык (башкирский) был выделен в отдельный предмет (ранее он был объединен с Законом Божиим) [48, с. 254–260]. Это важная подвижка хорошо показывает, что в системе русско-башкирских школ региона к концу имперского периода сформировалось понимание того, что знание родного языка будет не мешать, а способствовать эффективному обучению русскому языку. Таким образом, мы видим выстраивание в конце позднеимперского периода системного подхода, направленного на выделение приоритетных задач русско-башкирских школ, главной из которых руководителям региональной системы образования того времени виделась во включении башкир в «русскоговорящее» поле империи при сохранении ими своей этнической идентичности.

Список литературы:

- Алекторов А.Е. Инородцы в России. Современные вопросы. Финляндцы. Поляки. Латыши. Евреи. Немцы. Армяне. Татары. СПб.: Об-во ревнителей русского ист. просвещения в память имп. Александра III на средства фонда им. графа П.С. Строганова и И.П. Хрущева, 1906. 134 с.
- Вильев А.В. Государственный язык в инородческой школе // Журнал Министерства народного просвещения. Народное образование. 1904. Ч. CCCLVI. С. 45–60.
- Матвеев С.М. К вопросу о христианском просвещении и русском образовании инородцев Восточной России вообще и Уфимской епархии в частности. Уфа: Электро-тип. «Сеятель», 1914. 24 с.
- Мироппев М.А. К вопросу о просвещении наших инородцев // Русская школа. 1901. № 5–6. С. 121–136.
- Мироппев М.А. Русско-инородческие школы системы Н.И. Ильминского // Журнал Министерства народного просвещения. Отдел по народному образованию. Новая серия. 1908. Ч. XIII. С. 183–210.
- Горохов В.М. Реакционная школьная политика царизма в отношении татар Поволжья. Казань: Татгосиздат, 1941. 260 с.
- Климович Л.И. Ислам в царской России: очерки. М.: ГАИЗ, 1936. 406 с.
- Рашитов А.К. Начальная школа в Башкирии за XX лет. Уфа: Башгосиздат, 1941. 141 с.
- Еникеев А.А. Русско-башкирская начальная школа в дореволюционной Башкирии. Уфа: Башгосиздат, 1945. 198 с.
- Эфиров А.Ф. Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири: исторические очерки. М.: Учпедгиз, 1948. 280 с.
- Днепров Э.Д. Самодержавие и народное образование в пореформенной России // Школа и педагогическая мысль России периода двух буржуазно-демократических революций: сб. науч. тр. М.: Изд-во АПН СССР, 1984. С. 49–96.
- Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX века / отв. ред. А.И. Пискунов. М.: Педагогика, 1976. 600 с.
- Вильданов А.Х., Кунафин Г.С. Башкирские просветители-демократы XIX века. М.: Наука, 1981. 256 с.
- Нафигов Р.И. Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли: очерк истории 1895–1917 гг. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1964. 446 с.
- Аминов Т.М. Система педагогического образования в Башкирии. Конец XVIII – начало XX века. Уфа: Башгоспединститут, 1999. 184 с.
- Сулейманова Л.Ш. Национальные учебные заведения в Башкортостане в первое сорокалетие XX века. Уфа: Башк. гос. ун-т, 2000. 212 с.
- Лукманова Х.Х. Национальная школа Башкортостана: история и перспективы. М.: Высшая школа, 2003. 191 с.
- Тагиров К.К. Образование в Башкортостане: историко-педагогический анализ. Уфа: Гилем, 2007. 310 с.
- Аминова Л.Я. История женского образования в Башкирии. Вторая половина XIX – начало XX века. Уфа: Гилем, 2005. 186 с.
- Ергин Ю.В. Деятели народного образования Башкирии. Уфа: Гилем, 2008. 293 с.
- Ергин Ю.В. Неизвестные страницы: деятельность Уфимского земства в области народного образования (1916–1917 годы) // Педагогический журнал Башкортостана. 2009. № 2 (21). С. 142–151.
- Миннибаев Е.К., Ямалов М.Б., Алмаев Р.З., Якупов Р.И. Развитие школьного образования Республики Башкортостан в XX веке. Уфа, 2001. 164 с.
- Азаматова Г.Б. Уфимское земство (1874–1917): социальный состав, бюджет, деятельность в области народного образования. Уфа: Гилем, 2005. 252 с.
- Полянина О.А. Органы городского самоуправления Уфимской губернии (1900 – начало 1917 г.): монография. Уфа: Гилем, 2006. 268 с.
- Анохина И.А. Государственная политика в деле просвещения нерусских народов Поволжья (вторая половина XIX – начало XX века) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2007. № 7. С. 85–90.
- Бурдина Е.Л. Позиция российского правительства по вопросу «инородческого» образования в начале XX века // Вопросы образования. 2007. № 3. С. 278–287.
- Левашов Д.Е. Этноконфессиональные особенности народного образования в Российской империи начала XX века (на примере Саратовской губернии) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2010. № 4 (33). С. 133–136.
- Фархшатов М.Н. Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX века (1900–1917 гг.). Уфа: Гилем, 2000. 259 с.
- Болодурин В.С., Сафарова А.Д. Развитие национального образования в Оренбуржье (1870–1940 гг.). Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. 215 с.
- Ильминский Н.И. Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка с приложениями Н.И. Ильминского, преподавателя турецко-татарского языка в Императорском Казанском университете. Казань: Унив. тип., 1862. 60 с.
- Ильминский Н.И. Система народного и в частности инородческого образования в Казанском крае. СПб.: Синод. типогр., 1886. 55 с.
- Файзуллина Л.Р. О трудовом воспитании детей в «Букваре для башкир» В.В. Катаринского // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 59–2. С. 374–378.
- Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России: дооктябрьский период. Изд. 2-е, доп. и испр. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982. 360 с.
- Галаяутдинов И.Г. Два века башкирского литературного языка. Уфа: Гилем, 2000. 447 с.
- Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 73. Дирекция народных учи-

лиц Оренбургской губернии Оренбургского учебного округа. Д. 415.

36. ОГАОО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 128.

37. ОГАОО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 418.

38. ОГАОО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 305.

39. ОГАОО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 444.

40. ОГАОО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 446.

41. ОГАОО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 448.

42. ОГАОО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 449.

43. ОГАОО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 453.

44. Загидуллин И.К. Татары-мусульмане и школьная политика Российского правительства в последней трети

XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 14 (369). С. 62–67.

45. ОГАОО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 487.

46. Селезнев Н.А. Нерусские школы в Башкирии второй половины XIX века и начала XX века: дис. ... канд. пед. наук. М., 1948. 309 с.

47. Журналы заседаний съезда директоров и инспекторов народных училищ Оренбургского учебного округа в г. Уфе (11–16 июня 1912 года). Уфа, 1914. 344 с.

48. Оренбургское Губернское Земское собрание. Третья очередная сессия. Доклады по народному образованию. Оренбург, 1916. 264 с.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
Любичанковский Сергей Валентинович , доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России; Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Российская Федерация). E-mail: svlubich@yandex.ru.	Lyubichankovskiy Sergey Valentinovich , doctor of historical sciences, professor, head of History of Russia Department; Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russian Federation). E-mail: svlubich@yandex.ru.

Для цитирования:

Любичанковский С.В. Русско-башкирские школы Оренбургской губернии в пореформенный период // Самарский научный вестник. 2023. Т. 12, № 2. С. 168–173. DOI: 10.55355/snv2023122207.